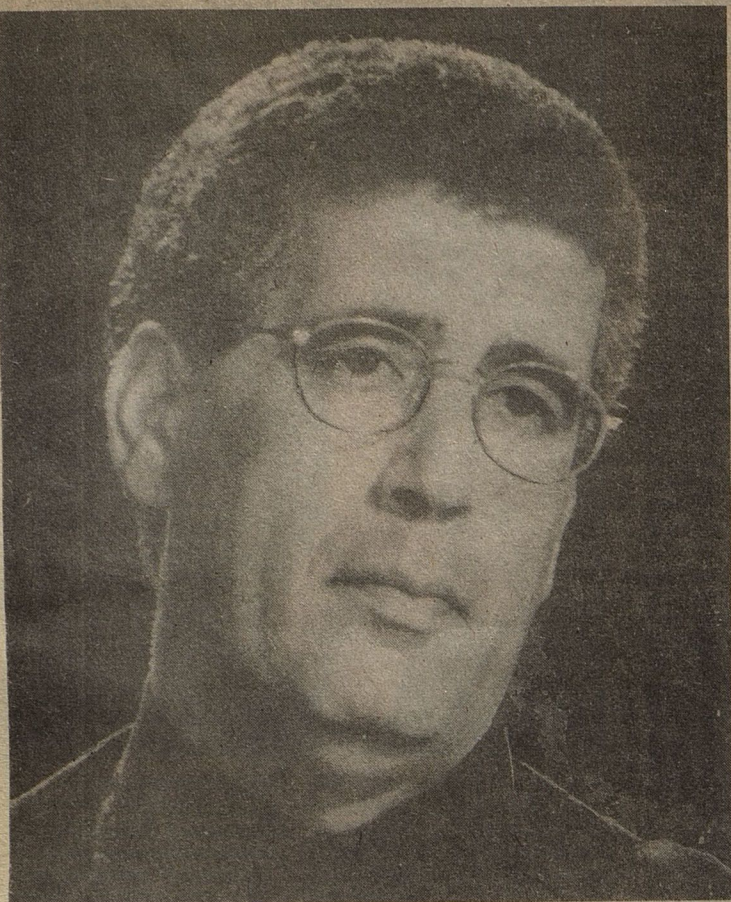

12.10.95

Новосенов Лев

Клубные встречи

Мой собеседник — одна из наиболее узнаваемых телеперсон. "Времечко" или "Иванов, Петров, Сидоров..." кому-то могут нравиться, кому-то нет (я, скажем, отнюдь не поклонник этих программ), но не отдать им должное в смысле оригинальности никак нельзя. И замешана эта своеобразность, надо полагать, на личности их создателя Льва Новоженова, на системе прежде всего его взглядов.

**Лев
НОВОЖЕНОВ:**

То, что мы делаем, это информационная «Санта-Барбара»

Веч. кин. 1995 - 12 окт. - С. 7

— Почему вы, писатель-юморист лирического толка, подались в свое время на ТВ, оставив по-прежнему престижную газету?

— Случайно ничего не бывает, есть судьба, и что бы ты ни делал, она все равно приводит тебя туда, где ты, собственно, и должен быть. Когда-то я начинал в "Литературной России" в отделе информации, и в "МК" позднее как заместитель главного редактора курировал как раз этот отдел. И когда писал короткие рассказы — это тоже очень близко к информации по лаконизму. И мне всегда нравилась информация, близкая к ней литература. Например, Хемингуэй. Или Евангелие.

— Занятный пример...

— В моей молодости была книга, которая называлась "Вторая древнейшая профессия". Вы помните, там речь шла об американской газете "Глоб". У них над входом в редакцию висел лозунг: "Нам писатели не нужны". И шеф отдела репортажа призывал молодых корреспондентов учиться у Евангелия, потому что считал это образцом репортажного стиля: там ничего лишнего нет. И так получилось, что меня позвали на ТВ создать информационную программу, в которой я как бы соединил то, чем занимался всю жизнь, о чем думал. Она получилась не чисто информационная, а с какими-то элементами шоу, иронии.

— Информационный театр?

— Да.

— Вообще-то пишущий человек все делает не случайно, а эгоистично подгоняя жизнь, поступки под какие-то свои писательские интересы...

— Такие задние мысли, конечно, есть, потому что всегда забегаешь вперед в свою судьбу, размышляя о том, что будет, если потеряешь работу, уйдешь с ТВ. Ведь жизнь журналиста, особенно телевизионного, достаточно эфемерна, так же, как жизнь актера. Тебя могут не пригласить, не дать работы... А пишу я либо не пишу — я в этом не вижу ничего такого обязательного. Писатель — это же условность. Есть люди, которые пишут, но не писатели, а есть те, которые не пишут, но — писатели.

Кстати, я не знаю ни одного романа о ТВ. Должен, наверное, появиться такой новый Виктор Суворов, который, как об "Аквариуме", написал бы об этом. Ведь ТВ — достаточно таинственная вещь, очень интересная и очень закрытая.

— То есть требуется беспринципный перебежчик с ТВ в литературу. А вот как говорят: газетная редакция — это дурдом, а ТВ — дурдом во время пожара.

— А Дима Дибров называет ТВ империей — действительно похоже. Даже когда подъезжаешь к Останкинской башне, испытываешь некий трепет. И внутри совершенно другое жизненное измерение: эти катакомбы, переходы, подвалы.

— В останкинских коридорах всегда ощущал себя вроде как жуком в муравейнике.

— Да, это такая Зона сталкеровская. Зазеркалье абсолютное — и по внешнему ощущению, и по внутреннему содержанию. Все, что происходит в стране, находит там свое выражение в гораздо более высокой степени. И то,

что происходит на ТВ, сразу же передается всей стране каким-то таинственным образом.

— Если взять общество как организм, то ТВ какой орган?

— Сказать, что мозг, было бы достаточно пошло. Или, например, сердце.

— Селезенка? Мочевой пузырь?

— Может быть, это вилочковая железа. Это такая штука есть: вроде ее не видно, но если она портится, то происходят гормональные нарушения и человек заболевает. Если не умирает, то начинает очень плохо жить.

— Вас как-то изменила работа на ТВ?

— Да, в том смысле, что избавила от разных иллюзий: и по поводу ТВ, и по поводу самого себя. Избавила от некоторых комплексов. Например, ты думаешь: как бы было хорошо обладать вот этой женщиной, если бы у меня получилось, был бы самым счастливым человеком. Но потом понимаешь, что каждое исполнение желаний — это...

— Потеря.

— Да, конечно, потеря. Или вот выйдет у меня книга — и все, я тогда уже в порядке. Ну вышла книга, а потом ты понимаешь, что нужно, чтобы она была хорошая, чтобы ее поняли другие, чтобы была продана успешно. То есть чем больше проблем решаешь, тем больше их возникает.

— Но во всяком случае популярность вы благодаря ТВ приобрели.

— Ну и что дальше? Ну и ничего. То, что тебя узнают на улицах, — это типа брелока. Вот хочется иметь брелок красивый, пустяк такой: бренчит, блестит — и все.

— Не достают ли интервьюеры вопросами насчет личной жизни? Во многих изданиях это сейчас до жути модно.

— Вот у меня жена спрашивает: ну какой еще вонючий газетке ты дал интервью?

— Мерси...

— Говорят, что интервью — это тоже типа популярности. Но 10 интервью, 15, 20 — они же не переходят в какое-то другое качество. Но треплут имя твоё — такая мастурбация. О личной жизни спрашивают: "Вот вы четыре раза женаты..."

— Оправдывая фамилию...

— И я думаю: плохо это или хорошо? И нужно ли про это говорить? Но с другой стороны — тебя же спрашивают. И ты же не будешь говорить, что один раз женат, если ты женат четырежды. Хотя можно сказать: семь раз. Но для чего?

— Для понта.

— Но я женат только четвертый раз. Последний брак — это уже 15 лет, так что другие браки это уже как бы история такая, предание. Иногда начинаешь думать: а не пришло ли?

— Работа — это тоже брак: по расчету ли, по любви...

— Тут просто выполняешь какую-то задачу, которую себе поставил. А поскольку это ежедневная программа, нет времени задуматься: а нужно ли тебе то, что ты делаешь? ТВ интересно еще и тем, что времени думать совершенно не остается. И если у тебя прежде не было времени

думать, то тогда, наверное, совсем плохо. Но поскольку первая половина жизни прошла в такой, я бы сказал, деятельной праздности...

— Соответствующее было время.

— Да, оно неспешно шло, можно было долго спать, ходить, мечтать...

— Удобная у нас была ниша...

— И благодаря тому, что было то время и что-то накопилось, можно это тратить. А ТВ — это сплошная трата. И все это тратишь, а восстанавливается оно с трудом, потому что из тебя сосут-сосут, а взамен ничего не дают. Ведь нет тех бесед, которые были у нас раньше... Меня мои молодые репортеры спрашивают: "Лев Юрьевич, а вам с нами интересно?" Я говорю: "Нет". Они: "А почему? А с кем вам интересно?" Я говорю: "Вообще интересно с красивыми, богатыми или умными". А поскольку они совсем молодые, то еще не богатые и ума, в общем, пока не нажили. Ну а красота — это вообще достаточно редкая вещь.

— Интервью про жен — это подыгрыш обывателю, бульварщина. Но я их недаром упоминаю: ваши программы не из того же ли разряда?

— Конечно. Но это подыгрыш обывателю в том смысле, в котором, например, рассказы Зощенко были тем же. Потому что это рассказы с секретом. Их очень интересно читать простому человеку — там все от имени обывателя, и коллизии обывательские, и, в общем, эта массовая литература по всем внешним признакам. Но почему же тогда Ахматова или разные такие люди тоже все это читали? Они там находили двойное дно.

— Там, собственно, целая философская система в подоплеке. Но это Зощенко. А вот как с манерой величия у "Иванова, Петрова, Сидорова..."?

— Бывает, тебе что-нибудь говорят, а ты отвечаешь: "А вот Пушкин... А вот Лев Толстой..." Тебе сразу: "Ну ты же не Пушкин, не Лев Толстой". Но дело в том, что когда жил Лев Толстой, он тоже был не Пушкин. А Пушкин, когда он

был Пушкин, — он был не Державин... Самому о себе трудно говорить, но сейчас можно сказать: это оригинальное телевизионное предприятие, аналогов на российском ТВ не имеющее. Говорят даже, что и в мире нет таких передач. Но в нашей ситуации это звучит как упрек, потому что мы живем по прецеденту. Когда у нас что-то возникает, мы сразу начинаем искать аналог за рубежом. И если его не находим, то это сразу подозрительно. Конечно, гораздо легче живется другим, которые говорят: а вот такая передача есть на Западе. И сразу у всех вздох облегчения. Очень трудно быть оригинальным в наших условиях и довольно опасно, в общем.

— Да не только у нас: человеку вообще свойственно опираться на стереотипы.

— Конечно, непривычное пугает. Но это смотрят — и это хотят смотреть. Могу просто практически доказать, непосредственно на живом зрителе, как на кролике. Мы можем выйти на улицу, стихийно собрать людей и посмотреть, сколько времени им будет интересно, как долго они будут стоять, слушать, будут ли смеяться или нет. И могу проверить это бесконечное количество раз. Тем более у нас — прямой эфир, там очень трудно притвориться, выдать желаемое за действительное, быть умней, чем ты есть. Это как детектор лжи.

— Мало ли какое быдло соберется от нечего делать...

— Когда я спорю с оппонентами, то говорю: может быть, это неправильное ТВ или не то ТВ, которое вы хотели бы видеть, — но это живое ТВ, не стерильное. А ваше ТВ — оно, возможно, и хорошее, но мертвое.

— В "Иванове...", как сказали бы раньше, был явный мешанский духок.

— Люди, которых можно назвать обывателями или мешанками, — соль земли, на них держится каждое общество. И успех этой передачи основан на том, что она вся построена на интересе к тому, что происходит с обычным человеком. И когда о закрытии "Версий" — сугубо политической передачи, сугубо ангажированной — говорят больше и считается, что это большая беда, чем закрытие передачи "Иванов, Петров, Сидоров...", это отражает наши постбальневистские синдромы. Мы считаем до сих пор, что все, что происходит в мире политики, гораздо важнее, чем то, что происходит в жизни частного человека. А вся эта политика — она же интересна только потому, что каким-то образом связана с нашей жизнью, с изменениями в нашей личной судьбе.

Вот у меня был репортаж, который, я считаю, по предвыборным последствиям гораздо тяжелее, чем все комментарии в "Итогах" и "Версиях". О том, что жители Орехова-Борисова мучаются без перехода, который им обещал Ельцин, еще когда баллотировался от города в депутаты. Он как пообещал восемь лет назад построить переход, так все и осталось. Но на волне этих обещаний люди его выдвинули в депутаты. А если бы они знали, что он их обманет, то, может быть, никогда не был бы Президентом. И здесь вот связь между этим переходом и большой политикой. И что там какие-то блоки, партии...

— А какие репортажи еще памятные?

— За 20 минут до эфира привезли акулу, которую поймали в Нагатино. От нее жутко воняет. Привез какой-то пацан в рваном свитере — ну как ты его посадишь в кад? Переодевать, чтобы предстал такой выглаженный? Да времени нет, пусть так сидит. И вот лежит акула, все смотрят, а ты с ихтиологом, единственным еще оставшимся в Москве (потому что много умирает ихтиологов), говоришь по телефону. "Ну да, — говорит, — акула. Вообще странная вещь, она водится в Амазонке, как же попала в Нагатино?". И тут же этот малый в дражном свитере, которого выдумать было просто нельзя...

— То есть что же все-таки нужно зрителю?

— Ощущение жизни, сильные переживания, эмоции.

— Ваши ведущие вполне способны вызвать сильные эмоции. Судя по ним, вы цените красивых женщин. У мужиков же колорит своеобразный. Васильков со взглядом уставшего киллера. Воеводин — этаким Робин-Бобин-Барбек, который того и гляди матюгнется и потащит из-под стола бутылку "Абсолюта". Есть еще безглазый чекист. А у одного и вовсе нервный тик: облизывается, прищмыкивает, дергает веком... Поневоле затормозишь.

— Они не только ведущие, но еще и персонажи. Их роль — не только сообщать информацию, но и как-то оценивать. Комментировать можно самим типажом ведущего. Если человек подает именно эту информацию, значит, она его интересует как типаж. Скажем, если человек любит пиво, то он за этим ничего не видит и всю информацию будет рассматривать с точки зрения пива. Это тоже способ видения мира, а в сумме получается то, что называется коллективным имиджем. Это в принципе информационная "Санта-Барбара": какая-то вот семья живет в "ящике", и каждая информация, как реплика персонажа. В сумме получается "мыльная опера" о времени. Вот такой примерно замысел.

— Что касается закрытия вашей программы: это что — из серии "начальство знает лучше, как сделать хуже"?

— В принципе мы занимаемся тем, чем испокон веков занимались все художники и писатели: пытались разбудить это общество теми или иными способами. А начальство делает все для того, чтобы общество как можно дольше не будили. Мы будоражим — политики успокаивают. Могут успокаивать действием: прибавкой зарплат, хорошей едой или хорошим медицинским обслуживанием. А если нельзя дать хорошей еды или жилья, можно дать укол снотворного. Потому что во сне не хочется есть, пить и все такое прочее. И вот на нашем месте — "Ставка больше, чем жизнь", фильм моей и вашей молодости. Когда это смотришь, никаких вопросов не возбуждает, все спокойно. Такая таблетка успокоительного. А доля информационных программ и доля публицистики сокращается — то есть все то, что имеет отношение к реальной жизни. Затыкают рот всему живому и непосредственному.

— А есть ли надежда на возрождение программ?

— Я уверен, что она возродится в том или ином виде, на том или ином канале. Потом — еще не вечер, а на ТВ никогда не бывает ничего окончательного. И Благоволин — это, я думаю, вообще калиф на час.

— Он возглавляет сейчас ОРТ?

— Да, генеральный директор. Они взяли еще и Эрнста, чтобы прикрываться его художественным авторитетом, дабы их решения получили хотя бы какую-нибудь легитимность в глазах телевизионной общественности. Но это такая хитрая хитрость, в которой все шито белыми нитками. И есть там еще такой вундеркинд Игнатеев Кирилл Борисович, которому 24 года, но он заместитель гендиректора. Какой-то инженер-экономист, который имеет наглость говорить, что передача не соответствует эстетическому уровню. Что он вообще понимает в эстетическом уровне? Подумаешь, он экономический директор и уже решил, что Бога за бороду держит. Я таких людей видел-перевидел.

— Сдается мне, что стиль ваших телеработ вытекает из того, что вы прежде писали: рассказы о маленьком человеке.

— Это нормально, поскольку я рожден в России и воспитан на русской литературе. Что такое "Времечко"? Это информационная концепция, в основу которой положена "Шинель" Гоголя как главное информационное событие девятнадцатого века, из которого вытекли все последующие события, которое наложило отпечаток и на XX век, на весь ход истории.

— То есть если бы Башмакина не взяли на гол-стоп, то не было бы и Октябрьской революции.

— Безусловно. И все это происходит в нашем обществе сегодня. И вот, например, недавняя кража моей "девятки" — это тоже повторение той истории. Копил-копил, она тебе снислась, думал, как будешь на ней ездить. И бах — украли. Может быть, те же самые менты, которые ее сейчас и разыскивают. И это то, что происходит сегодня с нами со всеми. Вот эта передача, которую закрыли, — что это такое, как не та же самая "Шинель"?

— Лейтмотив русской жизни: грабят! А что бы вы посоветовали Иванову, Петрову, Сидорову: купить пистолет? читать книжки?

— У нас вся жизнь — как приключение, потрясающе опасное и красивое. И нужно во что бы то ни стало быть самим собой, потому что это самое интересное и есть. Просто получать максимум удовольствия от этой жизни, от всего: от кружки пива на улице, от разговора с мужичками... Ты выходишь в жизнь из своего дома, выходишь в приключение, в какую-то опасность, а под вечер, когда ты устал, тебе хочется вернуться вот в это обывательское, уютное. И нужно как-то устроиться, чтобы и то, и это было у тебя в жизни. Чтобы было куда уйти и успокоиться — и чтобы было куда выйти. Вот я бы советовал найти такую меру в жизни — и тогда все будет нормально.

Беседовал Алексей ЕРОХИН.